

Василиск - чудовище с головой петуха, глазами жабы, крыльями летучей мыши и телом дракона которое существует во мифологиях многих народов. От его взгляда камнеет всё живое. Василиск - рождается из яйца, снесенного семигодовалым черным петухом (в некоторых источниках из яйца высиженного жабой) в теплую навозную кучу. По преданию, если Василиск увидит свое отражение в зеркале он умрет. Местом обитания Василисков являются пещеры, они же – его источник питания, поскольку ест Василиск только камни. Покидать свое убежище он может только ночью, поскольку не переносит крика петуха. И еще он опасается единорогов потому как те слишком "чистые" животные.

"Рожками шевелит, глаза такие зеленые с фиолетовым отливом, капюшончик бородавчатый раздувается. А сам он был фиолетово-черный с шипастым хвостом. Треугольная голова с черно-розовой пастью широко распахнулась...

Слюна его крайне ядовита и если попадет на живую материю то тут же пойдет замена углерода на кремний. Проще говоря все живое превращается в камень и дохнет, хотя ходят споры что от взгляда Василиска тоже идет окаменение, но те кто хотел проверить это обратно не вернулись..".

("С.Другаль. Василиск").

Успехи естествознания изгнали из нашего сознания монстра, мало похожего на существо, рожденное человеческим воображением две тысячи лет назад. «Сегодняшний» зверь, который уходит из нашей памяти на двух лапах, вполз в предание на брюхе: в античном мире василиск был всего лишь самой зловредной змейкой

ливийской пустыни. Картинно появлялся василиск у Плиния Старшего. По его рассказу, воин, имевший глупость пронзить смертоносную тварь длинным копьем, пал с коня мертвым — Яд вошел в его тело через древко копья! Более сметливый ратник, описанный Луканом, в похожей ситуации спас себе жизнь страшным способом: разрубив мечом василиска, он немедленно отсек себе руку, державшую меч. Но смертоносный гад пустыни был известен и раньше. За два века до Плиния и Лукана его упоминал Элий Стиллон — как всем хорошо известное существо: «Случается в Африке, что змеи собираются на пир возле издохшего мула. Вдруг они слышат жуткий вой василиска и поспешно уползают прочь, оставляя ему падаль. Василиск же, насытившись, снова издает страшный вой и уползает восвояси».

В отличие от, например, оборотня и дракона, которых человеческое воображение рождало неизменно на всех континентах, причем независимо друг от друга, василиск — фантазия «локальная», творение умов европейцев и бытовавшая исключительно в Европе. В этом исчадии ливийской пустыни овеществился вполне конкретный страх древних римлян и греков перед непредсказуемыми опасностями песчаных просторов. Все страхи воинов и путников соединились в одну общую боязнь встречи с неким загадочным владыкой пустыни — «басилискосом», то есть «царьком» (по-гречески). И хотя грозный гад не удостоился уважительного «басилевс» — «царь», ужас перед ним был неподдельным. Что касается римлян, то они изредка пользовались словом «регулюс» — калькой с греческого, сдобривая страх

уловимой для римского уха насмешкой; империя, подмявшая под себя столько царств, многих грозных владык привычно звала царьками.

Ну, а все-таки — кто же прототип? Исходным материалом фантазии ученые называют то египетскую кобру, то рогатую гадюку, то шлемоносного хамелеона. К тому есть основания: кобра этого вида движется полувыпрямившись — с поднятой над землей головой и передней частью тела, а у рогатой гадюки и хамелеона наросты на голове похожи на корону. В таком случае на лбу изваянных или нарисованных египетских фараонов и богов мы видим, возможно, не просто змейку с приподнятой головой — символ вечной жизни и могущества, а именно василиска.

Пустыня убивала человека многими способами. Неудивительно, что василиск возник как скопление смертоносных качеств: смертелен его взгляд (он истребляет все живое, выжигает травы, а камни обращает в пыль), его прикосновение, его дыхание, его вонь. Разумеется, жить такому чудовищу на роду написано лишь в пустыне. Пустыня возникает вокруг него.

Обезопасить себя путешественник мог только двумя способами: иметь при себе ласку — единственное животное, которое не боится василиска и бесстрашно вступает с ним в бой или петуха, ибо, по необъяснимой причине, пустынный царек не переносит петушиного крика.

Василиска-змею поминал Аристотель, ливийского гада живописал Гелиодор, а Клавдий Элиан (римский софист, писавший по гречески) человека, который опасен даже на расстоянии, неизменно сравнивал с василиском. И все же ни один античный автор не воспламенился образом василиска и

не удостоил его истинно подробного художественного описания. Зато в народных поверьях у василиска было свое прочное место: в древнеримских храмах кожа «царька» висела для отпугивания змеи и скорпионов, и никто не сомневался, что достаточно протереть серебро пеплом правильно сожженного василиска, чтобы оно превратилось в золото (в будущем это отзовется опытами средневековых алхимиков, их пиететом к василиску и активным использованием его в алхимической эмблематике).

Трудно сказать, как бы сложилась судьба василиска в христианскую эпоху, если бы не «везение»: совершенно случайно он попал в Священное писание. С легкой руки Иеронима Блаженного, автора Вульгаты — латинского перевода Библии, василиск был упомянут дважды в книге Исаии. Иероним одно из древнееврейских названий змеи произвольно перевел как «василиск». В современных переводах недоразумение устранено, однако в средние века оспаривать существование василиска было богохульством. Правда, на заре средневековья произошло и другое приметное для василиска событие — его временно... «потеряли»!

Ливийский монстр не попал в «Физиолог» — энциклопедию живых существ, из которой черпали информацию все позднейшие средневековые бестиарии. Забвение, однако, не стало роковым — оставаясь временно в тени, василиск сумел перестроиться и явиться в новом, более отвечающем потребности дня обличье.

Для успешной акклиматизации на европейской земле воображение скрестило его с петухом. В этом есть железная логика непоследовательности: извечные враги так тесно сплелись в схватке, что, наконец, срослись телами. Почему петух и василиск считались исконными врагами? Возможно, то была случайная прихоть фантазии. Но, во-первых, змею и птицу в одно тело воображение сращивало не раз. Во-вторых, еще в эллинистическом Египте верили, что ибисы питаются исключительно змеями и потому изредка из их яиц рождаются змееныши. Этим же птицам приписывали и некоторые физиологические странности: яйца-де они кладут из клюва. Такие рассказы — благодатная почва для последующей обработки. То, что мог далекий ибис, способен был совершить и соседский петух.

Достаточно частый и вполне объясненный современной биологией феномен перерождения петуха в курицу дал пищу для мрачной фантазии о василиске как «петушином отродье». Уже в эпоху Возрождения несколько петухов в разных европейских странах были подвергнуты пристрастному суду и, несмотря на все словесные ухищрения защитников, приговорены к котлу за злостное производство на свет василисков.

Начиная с XII века василиск стал расселяться по городам и весям Европы. И, как ни странно, оставаясь все тем же смертоносным, жутким чудовищем, зверь пугал все меньше и меньше: даже к самому отвратительному соседу со временем привыкают... Насчет «зверя» (а не «гада») — это не оговорка. Теперь василиск предстает в образе крылатого змея с головой петуха. Появляется он из яйца, снесенного петухом (об этом подробно рассказывает Пьер из Бовэ). У средневекового василиска хвост змеиный (реже драконий), крылья петушиные (реже лебединые); остальное, как правило, тоже от петуха: голова, гребень две лапы со шпорами. По принципу экономии фантазии у василиска осталась лишь одна смертоносная способность — его убивающий взгляд и дыхание. Преображение василиска в петуха вызвало и филологическое смятение: монстра стали все чаще называть «кокатрис». Слово это стало общим для всех романских языков. И хотя английское ухо явственно слышит в нем слово «кок» — петух, на самом деле «кокатрис» — результат фонетических приключений латинского слова «коркодилус», обозначавшего в средние века не только (не столько) крокодила, как вообще любого чудища. Чосер в своих описаниях василиска пробовал применить гибрид—словечкачко «васили-кок», чтобы точнее определить природу чудища и отмежевано " с" разговорного значения слова «кокатрис» которое к тому времени приобрело иное значение. Это был специфический «термин». клеймящий гулящих женщин (ибо взгляды их убийственны для добродетели мужчин!).

Средневековые бестиарии рассказывали, что первый остроумный способ погубить василиска придумал Александр Македонский. Монстр убил взглядом немало его воинов, и тогда царь поднес к его морде зеркало — и тот погиб от собственного взгляда. Зеркало стало главным оружием в борьбе с василисками, которые в средние века бесчинствовали вокруг жилищ, отравляли своим присутствием колодцы и шахты. Ласки по-прежнему считались природными врагами василисков, по одолеть монстра, они могли только пожевав листья руты. Изображения ласки с листочками во рту украшали колодцы, церковные скамьи. В церкви резные фигурки ласок имели символический смысл: для человека Священное писание было тем же, что листочки руты для ласки,— вкушение мудрости библейских текстов помогало одолеть василиска-дьявола.

Ещё одной практической рекомендацией было глядеть на монстра из-под стеклянного прозрачного сосуда. Эти объяснения были на руку тем, кто в конце средневековья приспособился изготавливать чучела василисков — чаще всего их делали на основе морских скатов, и они были ходким товаром (последние экземпляры были проданы в США в тридцатые годы нашего века; поддельные чучела до сих пор хранятся в музеях Вероны и Венеции), Менее легковверные

ученые и писатели удивлялись: если взгляд василиска летален — откуда столько свидетельств? Или свидетели видели другого зверя, или они попросту лгут!

Что известно о василиске сверх его внешнего вида? Лишь одно: смертельность. «Царёк» змеиного мира по-настоящему царил лишь в геральдике — как символ грозного могущества, царственности, свирепости (и занятий алхимией). Там, где нужен был лишь внешний вид монстра, где форма преобладала над содержанием — там василиск был ко двору.